

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов

Романтическая драма

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны, тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? – не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

The Lady of his love was wed with one.
Who did not love better. . . . .

. . . . .
. . . . .

..And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..
(The Dream. Lord Byron).

Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим.

Но тот любил ее не больше. . . . .

. . . . .
. . . . .

..И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,

И меланхолический взгляд – страшный дар;

Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,

Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым уничтожает фантазию,

Приближает жизнь в ее истинной наготе

И делает холодную действительность слишком действительной.

Сон. Лорд Байрон. (Англ.)

СЦЕНА I

Утром. 26 августа.

(Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с книгами и бюро.)

(Действие происходит в Москве.)

(Павел Григорич запечатывает письмо.)

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а 20-летнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какую-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир пойдет в военную службу, во-первых, потому что его

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? в штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же... нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, всё теперь кончилось! Не тут-то было: только начинается!..

Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда я же буду виноват; про меня же скажут, как наемни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! Ты испытываешь всю тягость моего мщения; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидеть тебя снова. Не делал ли я всё, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогли. (Молчание.) Кажется, кто-то сюда идет... так точно...

(Входит Владимир Арбенин.)

Владимир. Батюшка! здравствуйте...

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи...

Но ты что-то невесел, друг мой! Где был ты?

Владимир (бросает на отца быстрый и мрачный взгляд). Где я был, батюшка?

Павел Григ<орич>. Что значит этот пасмурный вид? Так ли встречают ласки отца?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григ<орич>. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я отгадал...

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она – почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет... О! батюшка! эта душа заслуживала прощение и другую участь! Батюшка! я видел горькие слезы раскаяния, я молился вместе с нею, я обнимал ее колена, я... я был у моей матери... чего вам больше?

Павел Григ<орич>. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели... отец мой! Вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы... я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости...

Павел Григ<орич> (его лицо пылает). Ты смеешь!.. Меня обвинять, неблагодар...

Владимир. Нет! вы мне простите!.. Я себя не помню... Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мне сделала? На ее коленях протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни... и теперь, когда она в нищете, приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам... Батюшка! она хочет вас видеть... я умоляю... если мое счастье для вас что-нибудь значит... Одна ее чистая слеза смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!..

Павел Григ<орич>. Слушай, дерзкий! я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир (кусая губы). Что скажут в свете!..

Павел Григ<орич>. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Анне Дмитриевне; я бы дал тебе препорученье...

Владимир. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

Павел Григ<орич>. Да, да! Она еще недовольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимир. Она моя мать.

Павел Григ<орич>. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

Владимир. Отец мой! Я не сотворен для таких препоручений.

Павел Григ<орич> (с холодной улыбкой). Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя... Также тебе дам я прочитать письмо от графа, насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей матери – я прошу, когда могу приказывать! (Уходит.)
(Владимир долго смотрит ему вслед.)

Владимир. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! Ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, должно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!..

(Входит Белинский, разряженный.)

Белинский. А! здравствуй, Арбенин... здравствуй, любезный друг! что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету? Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

Владимир. Руку! (Жмет ему руку.)

Белинский. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудрено, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что...

Владимир. О чем ты болтаешь тут?

Белинский. О чем? Он поглупел или оглох! Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скромников... ха! ха! ха!.. Ты верно ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крыльях зефира... нет, потрудись–ка сам слетать. Друг мой! кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь...

Владимир (прерывает его). Где был ты вчера?

Белинский. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

Владимир. Смешной народ! Таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Белинский. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклонением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно... Мне показались жалкими этот отец и его дети.

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Владимир. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастью ближнего, какого бы роду оно ни было. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей – и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне... Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне... и это так тяжело, так тяжело!..

Белинский. Эх! полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят... а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью... всё проходит, зло, как добро...

Владимир. Переносить! Переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует...

Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и всё прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений... Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу... друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Белинский. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умей только почерпнуть из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомизировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! вынь да положи. А кто после терпит?

Владимир. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят о любви моей, а иногда, что они совсем не дорожат ею. Они знают, что я их люблю, сколько может любить сын. Нет! зачем, когда они друг на друга косятся, зачем есть существо, которое хотело бы их соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! я не должен так говорить, но ты ведь знаешь всё, всё; и тебе я могу поверять то, что составляет несчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Белинский. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился; так и ты в короткое время ужасно переменялся. Расскажи-ка мне, как идут твои любовные похождения? ты нахмурился? скажи: давно ли ты ее видел?..

Владимир. Давно.

Белинский. А где живут Загорскины? их две сестры, отца нет? так ли?

Владимир. Так.

Белинский. Познакомь меня с ними. У них бывают вечера, балы?

Владимир. Нет.

Белинский. А я думал... однако всё не мешает... Познакомь меня...

Владимир. Изволь.

Белинский. Расскажи мне историю твоей любви.

Владимир. Она очень обыкновенна и тебя не займет!..

Белинский. Знаешь ли ты кузину Загорскиных, княжну? Вот прехорошенькая и прелюбезная девушка.

Владимир. Быть может. В первый раз, как я увидел ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слышав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям.

Белинский. Суевер!..

Владимир. Намедни я поехал верхом; лошадь не хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой об столб. Точно так и с душой: иногда чувствуешь отвращение к кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека... а смотришь, он тебе плотит коварством и неблагодарностью!..

Белинский (смотрит на часы). Ах, боже мой! а мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду...

Владимир. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Белинский. К графу Пронскому – скука смертельная! а надо ехать...

Владимир. Зачем же надобно?

Белинский. Да так...

Владимир. Важная причина. Ну, прощай.

Белинский. До свиданья. (Уходит.)

Владимир. Люблю Белинского за его веселый характер! (Ходит взад и вперед.)

Как моя голова расстроена; всё в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин.

Поеду... Увижу Наташу, этого ангела! Взор женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. (Садится и вынимает из кармана бумагу.) Странно! вчера я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы, и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь – теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... какой я ребенок! – всё это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! боже! чего желает мое сердце? – когда я далеко от нее, то воображаю, что скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напому о минувшем, о всех мелочах... А только с нею – всё забыто; я истукан! душа утонет в глазах; всё пропадет: надежды, опасенья, воспоминания... О! какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сию против этого чудного созданья! (С горькой улыбкой) Чем-то кончится жизнь моя, а началась она недурно. Впрочем, не всё ли равно, с какими воспоминаниями я сойду в могилу. О! как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самопознания, которая с младенчества была моим уделом! (Уходит тихо.)

СЦЕНА II

Вечеру 28 августа.

(Диванная в доме Загорскиных; дверь одна отворена в гостиную, другая в залу. Хозяйка Анна Николаевна; ее дочь Наталья Федоровна. Софья, княжна, вскоре. Иные сидят, другие разговаривают стоя.)

(Бьет восемь часов.)

Анна Николаевна (одному из гостей). Были вы вчера у графа? там, говорят, был благородный театр... и еще говорят: как отделаны комнаты были... это чудо... по-царски!..

Гость 1. Как же-с – я был там. До 5 часов утра танцевали; и всего было довольно, всякого рода людей.

Наталья Федоровна. Какие вы насмешники!.. а кто там был из кавалеров?..

Гость 1. Два князя Шумовых, Белинский, Арбенин, Слёнов, Чацкий... и другие; одних не помню, других позабыл... Знаете вы Белинского? – премилый малый, прелюбезный.

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Не правда ли?

Анна Ник<олавна>. Да, я слыхала.

Одна из барышень. Скажите, пожалуйста, кто такое этот Арбенин? – мне об нем много рассказывали.

Гость 1. Во-первых, он ужасный повеса, насмешник и злой насмешник; дерзок и всё, что вы хотите; впрочем, очень умный человек. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности; нет – все об нем этого мнения.

Наталья Фед<оровна>. Я вам ручаюсь, что не все: я первая не так думаю об нем. Я его знаю давно, он к нам ездит, и я не заметила его злости; по крайней мере он ни о ком при мне так не говорил, как вы теперь про него...

Гость 1. О! это совсем другое; с вами он, может быть, очень любезен, но...

Другая барышня. Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2 (подойдя). А мне кажется, наоборот...

Наталья Фед<оровна> (одной из барышень). Ma chère! [Дорогая! (Франц.)] Знаешь ли ты что-нибудь глупее комплиментов?

Гость 3 (недавно подошедший). А знаете ли вы историю Арбенина?..

Одна из дам. Я не думаю, чтоб он был такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его историей; и до кого она касается? Он очень счастлив: это доказывает его веселый характер, а история счастливых людей не бывает никогда занимательна...

Гость 3. Поверьте, веселость в обществе очень часто одна личина; но бывают минуты, когда эта самая веселость, в борении с внутреннею грустью, принимает вид чего-то дикого; если внезапный смех прерывает мрачную задумчивость, то не радость возбуждает его; этот перелом доказывает только, что человек не может совершенно скрыть чувств своих. Лица, которые всегда улыбаются, вот лица счастливых!

Наталья Федоровна. О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3. Разве вы никогда не заступаетесь за людей, которых обвиняют понапрасну?

Наталья Федо<ровна>. Напротив! вот я третьего дни целый час спорила с дядюшкой, который утверждал, что Арбенин не заслуживает названия дворянина, что у него злой язык и так далее... А я знаю, что Арбенин так понимает хорошо честь, как никто, и что у него доброе сердце... он это доказал многим!..

Гость 1 (обращаясь к другому). Посмотрите, как она покраснела!

Гость 4. C'est une coquette. [Это кокетка. (Франц.)]

Наталья Ф<едоровна> (смотрит в дверь). Кто это еще приехал?.. Ах, вообразите: я не узнала издали кузину!..

(Княжна Софья входит.) (Кузины целуются.)

К<няжна> Софья (тихо Наташе). Я сию минуту, выходя из кареты, видела Арбенина; он ехал мимо вашего дома и так пристально глядел в окна, что, если б сам император проехал мимо его с другой стороны, так он бы не обернулся. (Улыбается.) Будет он здесь?

Наталья Ф<едоровна>. Почему же мне знать? Я не спрашивала, а он сам никогда наперед не извещает о своем приезде.

Кн<яжна> Софья (в сторону). А я надеялась еще раз его увидеть. (Громко) У меня сегодня что-то голова болит!

Гость 2. Лишь бы не сердце!

К<няжна> Софья (в сторону). Как плоско! (Ему) Вы вчера прекрасно играли у графа; особенно во второй пьесе; все были восхищены вами. (Он кланяется.) Только скажите, для чего вы так рано уехали, тотчас после ужина?

Гость 2. У меня заболела голова.

К<няжна> Софья (с улыбкой). Что за важность? это не сердце!

Анна Ник<олавна> (подходит). Барышни, господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку... столы готовы.

Многие. С большим удовольствием.

(Все, кроме Наташи и Софьи, уходят.)

Княжна. Кузина! мне кажется, ты совсем не радуешься своей победе? Ты как будто не догадываешься. Ну к чему хитрить? Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен; и ты прежде всех это заметила. Зачем так мало доверенности ко мне? Ты знаешь, что я с тобой дружна и всегда всё про себя рассказываю. Или я еще не заслужила...

Наталья Ф<едоровна>. Душенька! к чему такие упреки? (Целует ее.) Впрочем это неправда... (Берет княжну за руку.) Не сердитесь же, Софья Николавна! (Смеется.)

Княжна. О! я знаю, что он тебе нравится, но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не может... Ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие никакой преграды, и переменчивость склонностей – вот что опасно в твоём любезном; он сам не знает, чего хочет, и по той же причине, полюбив, разлюбит тотчас, если представится ему новая цель!

Наталья Ф<едоровна>. С каким жаром вы говорите, кузина!

Княжна. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Наталья Ф<едоровна>. Да почему тебе так знать его?

Княжна. О, я слышала довольно...

Наталья Ф<едоровна>. От кого?

Княжна. Да от самого Арбенина!

(Наташа отворачивается и уходит.)

Она ревнива! Она любит его! а он, он... как часто, когда я ему говорила что-нибудь, он без внимания сидел с неподвижными глазами, как будто бы одна единственная мысль владела его существованием; и когда Наташа подходила, я следовала за его взорами; внезапный блеск появлялся на них. О, я несчастная! но как не любить? он так умен, так полон благородства. Он часто разговаривает со мною, но почти всё о Наташе. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мне неисчерпаемым источником блаженства, превращает одна мысль в жестокую муку.

Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! какой голос!.. о! я безумная! ломаю себе голову над его характером и не могу растолковать собственную страсть. (Молчание.) Нет! они не будут счастливы... клянусь этим небом, клянусь душой моей, всё, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие... Пусть тогда погибну, но в утешение себе скажу: «он не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнее моей!» – Я решила! как легко мне стало: я решила!

(В это время в глубине театра проходит несколько гостей, одни уезжают, другие приезжают; хозяйка провожает и встречает.)

(В<ладимир> Арбенин тихо выходит из гостиной.)

Княжна (увидав Арбенина). Как смела я решиться!..

Владимир. Ах, княжна!.. как я рад, что вы здесь...

Княжна. Давно ли вы приехали?

Владимир. Сейчас. Вхожу в гостиную: там играют по 5 копеек в мушку. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим...

Княжна. Зачем же вы сюда приехали?

Владимир (пожав плечами). Зачем!

Княжна (язвительно). Я догадываюсь!

Владимир. Так! заблуждение! заблуждение!.. Но скажите, может ли быть тот счастлив, кто своим присутствием в тягость? – Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков – и потому нигде не гожусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство...

Княжна. Вы на себя нападаете.

Владимир. Да, я сам себе враг, потому что продаю свою душу за один ласковый взгляд, за одно не слишком холодное слово.. Мое безумство доходит до крайней степени, и со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..

Княжна. К чему эти притворные мрачные предчувствия. Я вас не понимаю. Всё проходит, и ваши печали, и (я не знаю даже как назвать) ваши химеры исчезнут. Пойдемте играть в мушку. Видели ли вы мою кухню, Наташу?

Владимир. Когда я взошел, какой-то адъютантик, потряхивая эполетами, рассказывал ей, как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму и как муж ее, вступившись за нее, сдуру обнаружил, кто она такова. Ваша кухня смеялась от души... это и меня порадовало. Посмотрите, как я буду весел сегодня. (Уходит в гостиную.)

Княжна (глядит ему вслед). Желаю вам много успехов! Нынче же начну приводить в исполнение мой план. И скоро я увижу конец всему... Боже мой! боже мой! для чего я так слабодушна, так не тверда? (Уходит в гостиную.)

СЦЕНА III

15 сентября. Днем.

(Комната в доме Марьи Дмитриевны, матери Владимира; зеленые обои. Столик и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьет что-то. Слышен шум ветра и дождя.)

Аннушка. Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. Кто им скажет: ветер и дождь, подите прочь, мешайте спать и покоиться богатым, которых здесь так много, а мы и без вас едва знаем сон и спокойствие? Приехала моя барыня мириться с муженьком – о-ох! ох! ох! Не мирно что-то началось да не так и кончится. Оставляет же он нас почти с голоду умирать: стало быть, не любит совсем и никогда не любил; а если так, то и от мировой толку не будет. Лучше без мужа, чем с дурным мужем. Ведь охота же Марье Дмитриевне всё любить такого антихриста. Вот уж охота пуще неволи!

Зато молодой барин вышел у нас хорош; такой ласковый; шесть лет, нет, больше, 8 лет я его не видала. Как вырос, похорошел с тех пор. Еще помню, как его на руках таскала. То-то был любопытный; что ни увидит, всё зачем? да что? а уж вспылчив-то был, словно порох. Раз вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на пол; ну так и рвется, плачет: брось на пол. Дала ему; бросил – и успокоился... А бывало, помню (ему еще было 3 года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..

Уж, верно, ему Павел Григорич много наговаривал против матери; да, видишь, впрок не пошло худое слово. Дай бог здоровья Владимиру Павловичу, дай бог! Он и меня на старости лет не позабывает. Хоть ласковой речью да подарит.

(Входит Марья Дмитриевна, с книгой в руке.)

Марья Дмитриевна. Я хотела читать, но как читать одними глазами, не следуя мыслию за буквами? Тяжкое состояние! Непонятная воля судьбы! ужасное борение самолюбия женщины с необходимостью!..

К чему служили мои детские мечты? разве есть необходимость предчувствовать напрасно? будучи ребенком, я часто, под влиянием светлого неба, светлого солнца, веселой природы, создавала себе существа такие, каких требовало мое сердце; они следовали за мною всюду, я разговаривала с ними днем и ночью; они украшали для меня весь мир. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имели некоторое сходство с моими идеалами: в обхождении с ними я сама становилась лучше. – Ангелы ли были они? – не знаю, но очень близки к ангелам. – А теперь, холодная сущность отняла у меня последнее утешение: способность воображать счастье!..

Не имея ни родных, ни собственного имени, я должна унижаться, чтобы получить прощение мужа. Прощения! мне просить прощения! Боже! ты знаешь дела человеческие, ты читал в моей и в его душе и ты видел, в которой хранился источник всего зла!.. (Задумывается; потом подходит медленно к креслам и садится.) Аннушка! ходила ли ты в дом к Павлу Григоричу, чтоб разведывать, как я велела? тебя там любят все старые слуги!.. Ну что ты узнала о моем муже, о моем сыне?

Аннушка. Ходила, матушка, и расспрашивала.

Марья Дмитр<евна>. Что же? что говорил обо мне Павел Григорич? не слыхала ли ты?

Аннушка. Ничего он, сударыня, об вас не говорил. Если б не было у вас сына, то никто не знал бы, что Павел Григорич был женат.

Марья Дмит<ревна>. Ни слова обо мне? Он стыдится произносить мое имя! он презирает меня! Презрение! как оно похоже на участие; как эти два чувства близки друг к другу! Как смерть и жизнь!

Аннушка. Однако же, говорят, что Владимир Павлович вас очень любит. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять вас!..

Марья Дмит<ревна>. Да! мой сын меня любит. Я это видела вчера, я чувствовала жар его руки, я чувствовала, что он всё еще мой! Так! душа не переменяется. Он всё тот же, каков был сидящий на моих коленях, в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще восстановить против меня небо и людей!

(Закрывает лицо руками.)

Аннушка. Эх, матушка! что плакать о прошедшем, когда о теперешнем не наплачешься. Говорят, Павел Григорич бранил, да как еще бранил молодого барина, за то, что он с вами повидался. Да, кажется, и запретил ему к нам приезжать!..

Марья Дмитрев<на>. О! это невозможно! это слишком жестоко! сыну не видаться с матерью, когда она слабая, больная, бедная, живет в нескольких шагах от него! О нет! это против природы!.. Аннушка! в самом деле он это сказал?

Аннушка. В самом деле-с!..

Марья Дмит<ревна>. И он запретил моему сыну видеть меня? точно?

Аннушка. Запретил-с, точно!

Марья Дмит<ревна> (помолчав). Послушай! Он думает, что Владимир не его сын или сам никогда не знал матери!

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
(Ветер сильнее ударяет в окно. Обе содрогаются.)

И я приехала искать примиренья? с таким человеком? Нет! Союз с ним значит разрыв с небесами; хотя мой супруг и орудие небесного гнева, но, творец! взял ли бы ты добродетельное существо для орудия казни? Честные ли люди бывают на земле палачами?

Аннушка. Как вы бледны, сударыня! не угодно ли отдохнуть? (Смотрит на стенные часы.) Скоро приедет доктор: он обещался быть в 12 часов.

Марья Дмитр<евна>. И приедет в последний раз! Как смешна я кажусь себе самой! Думать, что лекарь вылечит глубокую рану сердца! (Молчание.) О! для чего я не пользовалась тысячью случаями к примирению, когда еще было время. А теперь, когда прошел сон, я ищу сновидений! поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, вот что меня убивает. О, раскаяние! Зачем за мгновенный проступок ты грызешь мою душу. Какое унижение! Я принуждена под другим именем приезжать в Москву, чтоб не заставить сына моего краснеть перед миром. Перед миром? Это правда, собрание глупцов и злодеев есть мир, нынешний мир. Ничего не прощают, как будто сами святые.

Аннушка (посмотрев в окно). Доктор приехал.

(Доктор входит.)

Марья Дмитр<евна>. Здравствуйте, Христофор Василич. Милости просим.

Доктор (подходит к руке). Что? как вы?

Марья Дмитр<евна>. Благодаря вам, мне гораздо лучше!

Доктор (щупая пульс). Совсем напротив! совсем напротив! – вы слабее! У вас желчь, действуя на кровь, производит волнение! у вас нервы ужасно расстроены. Вот, я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по методу, а вы всё хотите вдруг!

Марья Дмитр<евна>. Но если недостает способов?

Доктор. Эх, сударыня! здоровье дороже всего! (Пишет рецепт.)

Марья Дмитр<евна>. Откуда вы теперь, Христофор Василич?

Доктор. От господина Арбенина.

Марья Дмитр<евна>, Аннушка (вместе). От Арбенина! (Обе в замешательстве.)

Доктор. А разве вы его знаете?

Марья Дмитр<евна>. Нет! а кто такое Арбенин?

Доктор. Этот господин Арбенин, коллежский асессор, в разводе с своей женой – то есть не в разводе, а так: она покинула мужа, потому что была неверна.

Марья Дмитр<евна>. Неверна! она его покинула?

Доктор. Да, да – неверна! У нее, говорят, была интрига с каким-то французом! У этого же Арбенина есть сын, молодой человек лет 19-ти или 20-ти, шалун, повеса, заслуживший в свете очень дурную репутацию: говорят даже, что он пьет. Да, да! что вы на меня так пристально глядите? Все, все жалеют, что у такого почтенного, известного в Москве человека, каков господин Арбенин, сын такой негодяй! Если его принимают в хорошие общества, то это только для отца! И еще, вообразите! он смеется всё надо мной и над моей ученостью! он – над моей ученостью? смеется?!

Марья Дмитр<евна> (в сторону). Личность! Я отдыхаю!

Доктор. Ах! у вас лицо в красных пятнах! Я говорил, что вы еще не совсем здоровы!

Марья Дмитр<евна>. Это пройдет, господин доктор! Благодарю вас за новость – и

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru позвольте мне с вами проститься! Вы почти знаете, в каком я положении! Я скоро еду из Москвы! Недостаток в деньгах заставляет меня возвратиться в деревню!

Доктор. Как! не возвративши здоровья?

Марья Дмит<ревна>. Доктора, я вижу, не могут мне его возвратить! Болезнь моя не по их части...

Доктор. Как? вы не верите благому влиянию медицины?

Марья Дмит<ревна>. Извините! Я очень верю... однако не могу ею пользоваться...

Доктор. Есть ли что-нибудь невозможное для человека с твердой волею...

Марья Дмит<ревна>. Мне должно, моя воля – ехать в деревню. Там у меня тридцать семейств мужиков живут гораздо спокойнее, чем графы и князья. Там, в уединении, на свежем воздухе мое здоровье поправится – там хочу я умереть. Ваши посещения мне более не нужны: благодарю за всё... позвольте вручить вам последний знак моей признательности...

Доктор (берет деньги). Однако вы еще очень нездоровы! вам бы надобно...

Марья Дмитр<евна> (значительно взглянув на него). Прощайте!

(Доктор, раскланявшись, уходит с недовольною миной.)

Это<т> человек в состоянии высосать последнюю копейку!

Аннушка. Вы совсем расстроены! ваше лицо переменялось! ах! сударыня! присядьте, ваши руки дрожат!

Марья Дмит<ревна>. Мой сын имеет одну участь со мной!

Аннушка (поддерживая ее). Видно вам, сударыня, так уж на роду написано – терпеть!

Марья Дмит<ревна>. Я хочу умереть.

Аннушка. Смерть никого не обойдет... зачем же звать ее, сударыня! Она знает, кого в какой час захватить... а назовешь-то ее неравно в недобрый час... так хуже будет!.. молитесь богу, сударыня! да святым угодникам! ведь они все страдали не меньше нас! а мученики-то, матушка!..

Марья Дмитр<евна>. Я вижу, что близок мой конец... такие предчувствия меня никогда не обманывали. Боже! боже мой! Допусти только примириться с моим мужем прежде смерти; пускай ничей справедливый укор не следует за мной в могилу. Аннушка! доведи меня в мою комнату!

(Уходят обе.)

СЦЕНА IV

17-го октября. Вечер.

(Комната студента Рябинова. Бутылки шампанского на столе и довольно много беспорядка.)

(Снегин, Челяев, Рябинов, Заруцкий, Вышневецкий курят трубки. Ни одному нет больше 20 лет.)

Снегин. Что с ним сделалось? отчего он вскочил и ушел не говоря ни слова?

Челяев. Чем-нибудь обиделся!

Заруцкий. Не думаю. Ведь он всегда таков: то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и делается подобен истукану; и вдруг вскочит, убежит, как будто бы потолок провалился над ним.

Снегин. За здоровье Арбенина; sacré-dieu! [чорт побери! (франц.)] он славный

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
товарищ!

Рябинов. Тост!

Вышневский. Челябин! был ты вчера в театре?

Челяев. Да, был.

Вышневский. Что играли?

Челяев. Общипанных разбойников Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.

Вышневский. И ты, верно, крепко боялся в театре...

Челяев. Боялся? Чего?

Вышневский. Как же? – ты был один с разбойниками!

Все. Bravo! Bravo! фора! Тост!

Снегин (берет в сторону Заруцкого). Правда ли, что Арбенин сочиняет?

Заруцкий. Да... и довольно хорошо.

Снегин. То-то! не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

Заруцкий. Изволь... да кстати... у меня есть в кармане несколько мелких пиес.

Снегин. Ради бога покажи... пускай они пьют и дурачатся... а мы сядем там... и ты мне прочтешь.

Заруцкий (вынимает несколько листков из кармана, и они садятся в другой комнате у окна). Вот первая; это отрывок, фантазия... слушай хорошенько!.. создатель! как они шумят! Между прочим я должен тебе сказать, что он страстно влюблен в Загорскину... слушай:

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала; я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я мгновеньями лишь жил.
И те мгновенья были мук полны;
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен!

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века, и жизнь иную,
И о земле забывал. Не раз
Встревоженный печальною мечтой
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных;
О нет! все было ад иль небо в них!

3

Так! для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое... На что им мертвых разлучать?

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Снегин. Он это писал в гениальную минуту! Другую...

Заруцкий. Это послание к Загорскиной:

К чему волшебною улыбкой
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но – ошибкой:
Причину – слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга;
Ты любишь шумный, хладный свет –
я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я – я – нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой;
В нем дышит чувство всем родное,
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды – бред больного.
Им верить – значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен;
Он проклят строгою судьбой;
Как счастье без тебя – он мрачен.
Прости! прости же, ангел мой!..
Он чувствовал всё, что здесь сказано. Я его люблю за это.

(Сильный шум в другой комнате.)

Многие голоса. Господа! мы (честь имеем объявить) пришли сюда и званы на похороны доброго смысла и стыда. За здоровье дураков и <...>!

Рябинов. Тост! еще тост! господа! Коперник прав: земля вертится!

(Шум утихает.) (Потом опять бьют в ладони.)

Снегин. Оставь! не слушай их! читай далее...

Заруцкий. Погоди. (Вынимает еще бумагу.) Вот этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы; Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пиесы. Она, в некотором смысле, подражание The Dream, Байронову. – Всё это мне сказал сам Арбенин. (Читает.)

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц с облаками отражался
В волнах – и в них он был еще прекрасней!..
Но юный всадник не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдалении. В беспорядке
Минувшее являлось ему –
– Грозный призрак, темным предсказаньем
Пугающий доверчивую душу;
Но верил он одной своей любви
И для любви своей не знал преграды!
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И удалился с видом удивленья.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу другом;
И, проскакав тенистую дубраву,
Он различил окно, окно и дом,
Он ищет мост... но сломан старый мост,

Река темна, и шумны, шумны воды.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, ударил
Коня – и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь – и ближе, ближе..
И вот уж он на берегу противном
И на гору летит... И на крыльцо
Взбегает юноша, и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял. Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял..
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гнался вслед за ним
Раскаянье... и долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал!
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, но очей не освежит.
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу..
Мой сон переменялся невзначай.
Я видел комнату: в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С глазами полными огнем и жизнью.
И рядом с ней сидел в молчаньи мне
Знакомый юноша, и оба, оба
Старались довольными казаться.
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними..
И сердце сильно билось – без причины!
И юноша смотрел не на нее, –
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всех сладких и высоких дум его,
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья: так боялся
Он услышать ответ холодный или

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Не получить ответа на моления!..
Всё, что тут описано, было с Арбениным; для другого эти приключения ничего бы не значили; но вещи делают впечатление на сердце, смотря по расположению сердца.

Снегин. Странный человек Арбенин!

(Оба уходят в другую комнату.)

Вышневский. Господа! когда-то русские будут русскими?

Челяев. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и образовываться снова здорова.

Вышневский. Прекрасное средство! Если б тебе твой доктор только такие рецепты предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе!

Заруцкий. А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам! Ура! господа! здоровье пожара Московского!

(Звук стаканов.)

СЦЕНА V
10-го января. Утром.

(В доме у Белинского; его кабинет, по моде отделанный.)

(Окна замерзли; на столе табачный пепел и пустая чайная чашка.)

Белинский (один; прохаживается по комнате). Судьба хочет непременно, чтоб я женился! Что же? Женитьба – лекарство очень полезное от многих болезней, и от карманной чахотки особенно. Теперь я занял денег, чтоб купить деревню; но тысячи рублей недостает; а где их взять? женись! женись! кричит рассудок. Так и быть! но на ком? Вчера я познакомился с Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть! Но Владимир влюблен в нее. Что ж? чья взяла, тот и прав. Я нахожусь в таких опасных обстоятельствах, что он должен будет мне простить. Впрочем, я не верю, чтоб он уж так сильно ее любил! Он странный, непонятный человек: один день то, другой – другое! Сам себе противуречит, а всё как заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь – кончено! редкий устоит! Иногда, напротив – слова не добьешься; сидит и молчит, не слышит и не видит, глаза останоятся, как будто в этот миг всё его существование остановилось на одной мысли. (Молчание.) Однако я ему ничего не скажу про свое намерение, прежде, чем не кончу дело. Буду покамест ездить в дом, а там – увидим!..

(Входит Арбенин скоро.)

Владимир. Белинский! что так задумчив?

Белинский. А! здравствуй, Арбенин! это планы... планы...

Владимир. И тебя судьба не отучила делать планы?

Белинский. Нет! Если я твердо намерен сделать что-нибудь, то редко мне не удастся. Поверь: человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдать: судьба – женщина!

Владимир. А я так часто был обманут желаньями и столько раз раскаивался, достигнув цели, что теперь не желаю ничего; живу как живется; никого не трогаю, и от этого все стараются чем-нибудь возбудить меня, как-нибудь вымучить из меня обидное себе слово. И знаешь ли: это иногда меня веселит. Я вижу людей, которые из жил тянутся, чтоб чем-нибудь сделать еще несноснее мое существование! Неужели я такое важное лицо в мире, или милость их простирается даже до самых ничтожных!

Белинский. Друг мой! ты строишь химеры в своем воображении и даешь им черный цвет для большего романтизма.

Владимир. Нет! нет, говорю я тебе: я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня – слишком подлы.

Белинский. Как, ты не создан для людей? Напротив! ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора, ты любим молодежью; и хотя иногда слишком резкие истины говоришь в глаза, тебе всё-таки прощают, потому что ты их умно говоришь, и это как-то к тебе идет!

Владимир (с горькой улыбкой). Я вижу: ты хочешь меня утешить!

Белинский. Когда ты был у Загорскиных? Могут ли там тебя утешить?

Владимир. Вчера я их видел. Странно: она меня любит – и не любит! Она со мною иногда так добра, так мила, так много говорят глаза ее, так много этот румянец стыдливости выражает любви... а иногда, особливо на бале где-нибудь, она совсем другая, – и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!

Белинский. Она кокетка!

Владимир. Не верю: тут есть тайна...

Белинский. Поди ты к чорту с тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа об тебе и не думает, а когда скучно, то она тобой забавляется. Вот и вся тайна.

Владимир. Ты это сказал таким нежным голосом, как будто этим сделал мне великое благодеяние!

Белинский (покачав головой). Ты не в духе сегодня!

Владимир (вынимает изорванное письмо). Видишь.

Белинский. Что такое?

Владимир. Это письмо я писал к ней... прочти его! Вчера я приезжаю к ее кухне, княжне Софье; улучив минуту, когда на нас не обращали внимания, я умолял ее передать письмо Загорскиной... она согласилась, но с тем, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдал. Она ушла в свою комнату. Я провел ужасный час. Вдруг княжна является, говоря, что мое письмо развеселит очень ее кухню и заставит ее смеяться! смеяться! друг мой! Я разорвал письмо, схватил шляпу и уехал...

Белинский. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смеяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержание... зависть, может быть, и более, или просто шутка...

Владимир. Хитрость! хитрость! Я ее видел, провел с нею почти наедине целый вечер... я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий? (Схватывает за руку Белинского.) Что если б я мог прижать Наталью к этой груди и сказать ей: ты моя, моя навеки!.. Боже! боже! – я не переживу этого! (Смотрит пристально в глаза Белинскому.) Не говори ни слова, не разрушай моих детских надежд... только теперь не разрушай!.. а после...

Белинский. После! (В сторону) как? ужели он предугадывает судьбу свою?

Владимир. О как сердце умеет обманывать! (Беспокойно ходит взад и вперед.)

Белинский (в сторону). И я должен буду разрушить этот обман? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему! Нет! это вздор! он не так сильно любит, как показывает: жизнь не роман!

(Входит слуга Белинского.)

Слуга. Дмитрий Василич! какой-то мужик просит позволения вас видеть. Он говорит, что слышал, будто вы покупаете их деревню, так он пришел...

Белинский. Вели ему взойти. (Слуга уходит.) (Входит мужик, седой, и бросается в

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
ноги Белинскому.) Встань! встань! что тебе надобно, друг мой!

Мужик (на коленях). Мы слышали, что ты, кормилец, хочешь купить нас, так я пришел... (кланяется) мы слышали, что ты барин доброй...

Белинский. Да встань, братец, а потом говори!.. встань прежде!

Мужик (встав). Не прогневайся, отец родной, коли я...

Белинский. Да говори же...

Мужик (кланяясь). Меня, старика, прислали к тебе от всего села, кормилец, кланяться тебе в ноги, чтобы ты стал нашим защитником... все бы стали богу молить о тебе! будь нашим спасителем!

Белинский. Что же? вам не хочется с госпожой своей расставаться, что ли?

Мужик (кланяясь в ноги). Нет! купи, купи нас, родимой!

Белинский (в сторону). Странное приключение! (Мужику) А! так вы верно недовольны своей помещицей?

Мужик. Ох! тяжело! за грехи наши!.. (Арбенин начинает вслушиваться.)

Белинский. Ну! говори, брат, смелее! жестоко, что ли, госпожа поступает с вами?

Мужик. Да так, барин... что ведь, ей богу, терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..

Владимир. Что же она делает? (Лицо Владимира мрачно.)

Мужик. Да что вздумается ее милости.

Белинский. Например... сечет часто?

Мужик. Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без вины. У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит что ему любо. Не сними-ко перед ним шапки, так и нивесь что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый день промает.

Белинский. Какие злоупотребления!

Мужик. Раз как-то барыне донесли, что, дескать, «Федька дурно про тебя говорит и хочет в городе жаловаться!» А Федька мужик был славной; вот она и приказала руки ему вывертывать на станке... а управитель был на него сердит. Как повели его на барской двор, дети кричали, жена плакала... вот стали руки вывертывать. «Господин управитель!», сказал Федька, «что я тебе сделал! ведь ты меня губишь!» – вздор! – сказал управитель. Да вывертывали, да ломали... Федька и стал безрукой. На печке так и лежит да клянёт свое рожденье.

Белинский. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или городничий не подадут на нее просьбу? На это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо может быть.

Мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! тяжело стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на посиделках. Рассказывают горнишные: раз барыня рассердилась, так, вишь, ножницами так и кольнула одну из девушек... ох! больно... а как бороду велит щипать волосок по волоску... батюшка!.. ну! так тут и святых забудешь... батюшка!.. (падает на колени перед Белинским). О! кабы ты нам помог!.. купи нас! купи, отец родной! (Рыдает.)

Владимир (в бешенстве). Люди! люди! и до такой степени злодейства доходит женщина, творение иногда столь близкое к ангелу... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство – всё куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О боже!.. при одной мысли

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав
этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..

Белинский. В самом деле ужасно!

Мужик. Купи нас, родимой!

Владимир. Дмитрий! есть ли у тебя деньги? Вот всё, что я имею... вексель на 1000
рублей... ты мне отдашь когда-нибудь. (Кладет на стол бумажник.)

Белинский (сосчитав). Если так, то я постараюсь купить эту деревню... поди, добрый
мужичок, и скажи своим, что они в безопасности. (Владимиру) Какова госпожа?

Мужик. Дай боже вам счастья обоим, отцы мои, дай бог вам долгую жизнь, дай бог
вам всё, что душе ни пожелается... Прощай, родимой! благослови тебя царь небесный!
(Уходит.)

Владимир. О мое отечество! мое отечество! (Ходит быстро взад и вперед по
комнате.)

Белинский. Ах, как я рад, что могу теперь купить эту деревню! Как я рад! впервые
мне удастся облегчать страждущее человечество! Так: это доброе дело. Несчастные
мужики! Что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять всё, что имею,
и попасть в руки палачей!

Владимир. Есть люди, более достойные сожаленья, чем этот мужик. Несчастия
внешние проходят, но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в
сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто
желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! но для
чего говорить об таких людях? им не могут сострадать: их никто, никто не
понимает.

Белинский. Опять за свое! О эгоист! Как можно сравнивать химеры с истинными
несчастиями? Можно ли сравнить свободного с рабом?

Владимир. Один раб человека, другой раб судьбы. Первый может ожидать хорошего
господина или имеет выбор – второй никогда. Им играет слепой случай, и страсти
его и бесчувственность других, всё соединено к его гибели.

Белинский. Разве ты не веришь в провидение? Разве отвергаешь существование бога,
который всё знает и всем управляет?

Владимир (смотрит на небо). Верю ли я? верю ли я?

Белинский. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владимир (помолчав). Послушай! не правда ли, теперь прекрасная погода? пойдём на
бульвар!

Белинский. Чудак! (Входит слуга Марьи Дмитриевны.) Что тебе надобно? кто ты?

Владимир. Слуга моей матери!

Слуга. Я прислан к вам, сударь, от Марьи Дмитриевны. Искал я вас с полчаса в трех
домах, где, как мне у вас сказали, вы часто бываете.

Владимир. Что случилось?

Слуга. Да барыня-с...

Владимир. Что?

Слуга. Сделалась очень нездорова и просит вас поскорее к себе.

Владимир. Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга. Очень нездорова-с.

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Владимир (задумчиво). Очень! да, я пойду! (Подавая руку Белинскому) Не правда ли, я тверд в своих несчастиях? (Уходит.) (В продолжение этой речи он менялся в лице, и голос его дрожал.)

Белинский (глядя вслед ему). Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться; и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей.

Я веселого характера обыкновенно; однако примечаю, что печаль Арбенина прилипчива. После него часа два я не могу справиться. Ха! ха! ха! испытаю верность женщины! Посмотрим, устоит ли Загорскина против моих нападений. Если она изменит Арбенину, то это лучший способ излечить его от самой глупейшей болезни.

(Слуга Белинского входит.)

Чего тебе?

Слуга. Да я ходил в театр за билетом-с, как вы приказывали. Вот билет-с.

Белинский. Хорошо! в первое ряду? хорошо. (Про себя) Скучно будет сегодня во французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь *beau monde*! [светское общество! (Франц.)]

(Закуривает трубку и уходит.)

СЦЕНА VI
10-го января. День.

(В доме у Загорскиных. Комната барышень.)

(Княжна Софья сидит на постели; Наташа поправляет волосы перед зеркалом.)

К<няжна> Софья. Ma chère cousine! [Дорогая кузина! (Франц.)] Я тебе советую остерегаться!

Наташа. Пожалуста, без наставлений! Я сама знаю, как мне поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай он будет доволен малым.

К<няжна> Софья. Ведь ты его не заставишь на себе жениться... он вовсе не такой человек!..

Наташа. Разумеется, я сама за него свататься не стану; а если он меня любит, так женится.

Кн<няжна> Софья (насмешливо). Не правда ли, как он интересен, как милы его глаза, полные слез!

Наташа. Да, для меня очень занимательны.

К<няжна> Софья. Поверь, он только дурачится и шалит; а именно потому, что уверен, что ты в него влюблена.

Наташа. Ему не отчего быть уверену.

К<няжна> Софья. А попробуй показать холодность... тотчас отстанет!

Наташа. Я пробовала, и он не отстал и только больше с тех пор меня любит...

К<няжна> Софья. Но ты не умеешь притворяться, ты...

Наташа. Поверь, не хуже тебя!

К<няжна> Софья. Арбенин точно так же куртизанил прошлого года Лидиной Полине; а тут и бросил ее, и смеется сам над нею... Ты помнишь? то же будет и с тобой.

Наташа. Я не Полина.

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
К<няжна> Софья. Посмотрим.

Наташа. Да что ты так на одно наладила?

КН<яжна> Софья. Уж что я знаю, то знаю.. вчера..

Наташа. Что такое? впрочем, я и знать не желаю.

К<няжна> Софья. Вчера Арбенин был у нас.

Наташа. Ну что ж?

К<няжна> Софья. Любезничал с Лизой Шумовой, рассказывал ей бог знает что и между тем просил меня отдать тебе письмо: вот мужчины! в одну влюблены, а другой пишут письма! верь им после этого. Я его прочла и отдала назад, сказав, что ты будешь очень этому смеяться. Он разорвал и уехал. Какова комедия! (Молчание.) А еще, знаешь: мне сказывали, наверное, что он хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не верю!

Наташа (в сторону). Он делает глупости! Я теперь на него так сердита, так сердита! Хвалится! кто б подумал! это слишком! (Громко) Ты знаешь, кузина, у нас был вчера Белинский! Un jeune homme charmant! [Очаровательный молодой человек! (Франц.)] Прелесть как хорош, умен и любезен. Вот уж не надует губы! Как воспитан, точно будто всю жизнь провел при дворе!

К<няжна> Софья. Поздравляю. И ты, я надеюсь, ему очень понравилась! (В сторону) Я в восхищении: мои слова действуют! (Громко) Вчерась же Арбенин чуть-чуть не поссорился у нас с Нелидовым. Последний, ты знаешь, такой тихий, степенный, осторожный; а Волдемар этого не слишком придерживается. Нелидов разговорился с ним про свет и общественное мнение и несколько раз повторял, что дорожит своею доброй славой, таким тоном, который давал чувствовать Арбенину, что он ее потерял; этот понял и побледнел; после и говорит мне: «Нелидов хотел кольнуть мое самолюбие, он достиг своей цели; это правда: я потерян для света... но довольно горд, чтоб слушать равнодушно напоминания об этом!» Ха! ха! ха! не правда ли, Наташа, это показывает твердость характера!

Наташа. Конечно! Арбенин не совсем заслуживает дурное мнение света; но он об нем мало заботится; и этот Нелидов очень глупо сделал, если старался его обидеть! (Наташа подходит к окну.)

К<няжна> Софья. Поверь мне: Арбенина так же огорчает злословие, как и другого; он только не хочет этого показать. (Молчание.)

Наташа (с живостью). Ах! сейчас проехал Белинский!

СЦЕНА VII

3-го февраля. Утро.

(Кабинет Павла Григорича Арбенина. Он сидит в креслах, против него стоит человек средних лет в синем сюртуке с седыми бакенбардами.)

Павел Григ<орич>. Нет! братец, нет! скажи своему господину, что я не намерен ждать. Должен? – плати. Нечем? – начто задолжал. В России на это есть суд. Ну если б я был бедняк? разве два месяца пождать ничего не значит?

Поверенный. Хоть две недели, сударь. На-днях мы денег ждем с завода. Неужели уж мы обманем вас?

Павел Григ<орич>. Ни дня ждать не хочу.

Поверенный. Да где же денег взять прикажете? Ведь 8 тысяч на улице не найдешь.

Павел Григ<орич>. Пускай твой господин продаст хоть тебя самого; а мне он заплотит в назначенное время. И с процентами – слышишь?

Поверенный. Да помилуйте-с!..

Павел Гри<горич>. Ни слова больше. Ступай! (Повер<енный> уходит.) Видишь какой
Страница 20

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
ловкий! Всё бы ему ждали! Нет, брат! нынче деньги дороги, хлеба дешевы да еще плохо родятся! Пускай графские сынки да вельможи проматывают именье; мы, дворяне простые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И, наконец, они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали. (Встает с кресел.) Ух! замотали меня эти дела. А все-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки. Почему же нет? и человек тлеет, как бумажка, и человек, как бумажка, носит на себе условленные знаки, которые ставят его выше других и без которых он... (Зевает.) Уф! спать хочется! Где-то сын мой? Он, верно, опять задолжал, потому что третий день дома обедает. Вот! прошу покорно иметь детей!

(Владимир, бледный, быстро входит.)

Владимир (громко и скоро). Батюшка!

Павел Григ<орич>. Что тебе надобно?

Владимир. Я пришел, чтобы... у меня есть одна, единственная просьба до вас... не откажите мне... поедemте со мною! поедemте! заклинаю вас; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

Павел Григ<горич>. Куда мне ехать с тобою? ты с ума сошел!..

Владимир. Немудрено. Если б даже вы увидели, что я видел, и остались при своем уме, то я бы удивился!

Павел Григ<орич>. Это уж ни на что не похоже! ты, Владимир, выводишь меня из терпения.

Владимир. Так вы не хотите со мною ехать! так вы мне не верите! А я думал... но теперь вынужден всё сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочет вас видеть; эта женщина...

Павел Григ<орич>. Что мне за дело до нее?

Владимир. Она ваша супруга!

Павел Григ<горич> (с досадой). Владимир!

Владимир. Вы, верно, думаете меня испугать этим строгим взглядом и удушить голос природы в груди моей? Но я не таков, как вы; этот самый голос, приказывающий мне повиноваться вам, заставляет... да! ненавидеть вас! да! если вы будете далее противиться мольбам моей матери! О! нынешний день уничтожил во мне все опасенья: я говорю прямо! Я ваш сын и ее сын; вы счастливы, она страдает на постели смерти, кто прав, кто виноват, не мое дело. Я слышал, слышал ее мольбы и рыданья, и последний нищий назвал бы меня подлецом, если б я мог еще любить вас!..

Павел Григ<орич>. Дерзкий! Я давно уж не жду от тебя любви; но где видано, чтобы сын упрекал отца такими словами? прочь с глаз моих!

Владимир. Я уж просил вас не уничтожать во мне последнюю искру покорности сыновней, чтоб я не повторил эти обвиненья перед целым светом!

Павел Григ<орич>. Боже мой! до чего я дожил? (Ему) Знаешь ли...

Владимир. Я знаю: вы сами терзаемы совестью, вы сами не имеете спокойных минут – вы виновны во многом...

Павел Григ<орич>. Замолчи!..

Владимир. Не замолчу! не просить пришел я, но требовать! требовать! я имею на это право! Нет! эти слезы врезались у меня в память! батюшка! (Бросается на колени.) батюшка! поедemте со мною!

Павел Григ<орич>. Встань! (Он встревожен.)

Владимир. Вы пойдете?

Павел Григ<орич> (в сторону). Что если в самом деле? Может быть...

Владимир. Так вы не хотите? (Встает.)

Павел Григ<орич> (в сторону). Она умирает, говорит Владимир! желает получить мое прощенье... правда! я бы... но ехать туда? если узнают, что скажут?

Владимир. Вам нечего бояться: моя мать нынче же умрет. Она желает с вами примириться, не для того, чтобы жить вашим именем; она не хочет сойти в могилу, пока имеет врага на земле. Вот вся ее просьба, вся ее молитва к богу. Вы не хотели. Есть на небе судия. Ваш подвиг прекрасен; он показывает твердость характера; поверьте, люди будут вас за это хвалить, и что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос. (Горько улыбается.)

Павел Григ<орич> (принужденно). Оставьте меня!

Владимир. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты. (Горько) Она еще раз в жизни поверит надежде! (Тихо идет к дверям.) О, если б гром убил меня на этом пороге; как? я приду – один! я сделаюсь убийцею моей матери. (Останавливается и смотрит на отца.) Боже! вот человек!

Павел Григ<орич> (про себя). Однако для чего мне не ехать? что за беда? пред смертью помириться ничего; смеяться никто над этим не станет... а всё бы лучше! да, так и быть, отправлюсь. Она, верно, без памяти и меня не узнает... скажу ей, что прощаю, и делу конец! (Громко) Владимир! послушай... погоди! (Владимир недоверчиво приближается.) Я пойду с тобою... я решился! Нас никто не увидит? но я верю! пойдём... только смотри, в другой раз думай об том, что говоришь...

Владимир. Так вы точно хотите идти к моей матери? точно? это невероятно! Нет, скажите: точно?

Павел Григ<орич>. Точно!

Владимир (кидается ему на шею). У меня есть отец! У меня снова есть отец! (Плачет.) Боже! боже! я опять счастлив! Как легко стало сердцу! у меня есть отец! Вижу, вижу, что трудно бороться с природными чувствами... о! как я счастлив! Видите ли, батюшка! как приятно сделать, решиться сделать добро... ваши глаза прояснили, ваше лицо сделалось ангельским лицом! (Обнимает его.) О мой отец, вы будете вознаграждены богом! Пойдемте, пойдемте скорей – ее надобно застать при жизни!

Павел Григ<орич> (хочет идти). (в сторону) И так, я должен увидеться... хорошо! да нет ли тут какой-нибудь сети? однако отчаяние Владимира!.. Но разве она не может притвориться и уверить его, что умирает? Разве женщине, а особливо моей жене, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовал, я проникнул этот замысел, и теперь всё ясно. Заманить меня опять... упрямить... и если я не соглашусь, то сын мой всему городу станет рассказывать про такую жестокость! Она, пожалуй, его подбоьет! Признаюсь! прехитрый план! прехитрейший!.. Однако не на того напали! Хорошо, что я во-время догадался! Не пойду же я! Пускай умрет одна, если могла жить без меня!

Владимир. Вы медлите!

Павел Григ<орич> (холодно). Да! Я медлю!

Владимир. Вы... эта перемена! вы...

Павел Григ<орич> (гордо). Я остаюсь! Скажи своей матери и бывшей моей жене, что я не попался вторично в расставленную сеть... скажи, что я благодарю за приглашение и желаю ей веселой дороги!

(Владимир вздрагивает и отступает назад.)

Владимир. Как! (С отчаяньем) Это превзошло мои ожидания! И с такой открытой холодностью! с такой адской улыбкой? И я – ваш сын? Так, я ваш сын и потому

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru должен быть врагом всего священного, врагом вашим... из благодарности! О, если б я мог мои чувства, сердце, душу, мое дыхание превратить в одно слово, в один звук, то этот звук был бы проклятие первому мгновению моей жизни, громовой удар, который потряс бы твою внутренность, мой отец... и отучил бы тебя называть меня сыном!

Павел Григ<орич>. Замолчи, сумасшедший! Страшись моего гнева... погоди: придут дни более спокойные; тогда ты узнаешь, как опасно оскорблять родителя... я тебя примерно накажу!..

Владимир (закрыв лицо руками). А я мечтал найти жалость!..

Павел Григ<орич>. Неблагодарный! неблагодарный! чудовище! мне ли ты не обязан?.. И с такими упреками...

Владимир. Неблагодарный? Вы мне дали жизнь: возьмите, возьмите ее назад, если можете... о! это горький дар!

Павел Григ<орич>. Вон скорей из моего дома! и не смей воротиться, пока не умрет моя бедная супруга. (Со смехом) Посмотрим, скоро ли ты придешь? Посмотрим, настоящая ли болезнь, ведущая к могиле, или неловкая хитрость наделала столько шуму и заставила тебя забыть почтение и обязанность! Теперь ступай! Рассуди хорошенько о своем поступке, припомни, что ты говорил – и тогда, тогда, если осмелишься, покажись опять мне на глаза! (Злобно взглянув на сына, уходит и запирает двери за собою.)

Владимир (который стоял как вкопанный, смотрит вслед, после краткого молчания). Всё кончилось!..

(Уходит в другую дверь. Решительная безнадежность приметна во всех его движениях. Он оставляет за собою дверь растворенную; и долго видно, как он то пойдет скорыми шагами, то остановится; наконец, махнув рукой, он удаляется.)

СЦЕНА VIII

3-го февраля. День.

(Спальня Марьи Дмитриевны. Стол с лекарствами. Она лежит на постели. Аннушка стоит возле нее.)

Аннушка. У вас, сударыня, сильная лихорадка! Не угодно ли чаю горяченького или бузины? Тотчас будет готово. Ах, ты, моя родная! Какие руки-то холодные: точно ледяные. Не прикажете ли, матушка, послать за лекарем?

Марья Дми<тревна>. Послушай! что давит мне грудь?

Аннушка. Ничего, сударыня: одеяло прелегкое! отчего бы, кажется, давить?

Марья Дм<итревна>. Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. И! Марья Дмитриевна! выздоровеете! Бог милостив – зачем умирать?

Марья Дм<итревна>. Зачем?

Аннушка. Не всё больные умирают, иногда и здоровые прежде больных попадают на тот свет. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дм<итревна>. Я не хочу лекарства... где мой сын? да, я и позабыла, что сама его послала!.. Посмотри в окно, нейдет ли он? Поди к окну... что? нейдет? как долго!

Аннушка. На улице пусто!

Марья Дм<итревна> (про себя). Он уговорит отца! Я уверена... о! как сладко примириться перед концом: теперь я не стыжусь встретить его взор. (Погромче) Аннушка! что ты так смотришь в окно?

Аннушка. Я?.. нет... это так-с...

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Марья Дми<тревна>. Нет, верно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. Похороны, сударыня... да какие препышные! сколько карет сзади: верно, богач! какие лошади! покров так и горит! два архиерея!.. певчие! ну ж нечего сказать!

Марья Дми<итревна>. Аннушка! и мне пора... я чувствую близость последней минуты! О, поскорее! поскорее, царь небесный!

Аннушка. Полныте, сударыня, что вам за охота? Как если, не дай бог, вы скончаесться, что тогда со мною будет? кто позаботится обо мне? неужто Павел Григорич к себе возьмет? Не бывать этому. Да я лучше по миру пойду: добрые люди из окошек накормят!

Марья Дми<итревна>. Мой сын, Владимир, тебя не оставит!

Аннушка. Да еще перенесет ли он вашу смерть? Вы знаете, какой он горячий; из малости уж вне себя, а тогда... боже упаси!

Марья Дми<тревна>. Ты права... я должна тебя наградить: у меня в шкатулке есть 80 рублей... дай несколько и старику, Павлу! Он всегда верно мне служил; и тобой я всегда, всегда была довольна... (Смутная радость изображается на лице Аннушки.) О, как сердце бьется! Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(Дверь отворяется. Тихо входит Владимир. Он мрачен. Молча подходит к постеле и останавливается в ногах.)

Аннушка. Владимир Павлович пришел!

Марья Дми<итревна> (быстро). Пришел! (Приподымается и опять опускает голову.) Владимир... ты один! А я думала... Ты один!

Владимир. Да.

Марья Дми<итревна>. Друг мой! ты звал его сюда? сказал, что я умираю? он скоро придет?

Владимир (мрачно). Как вы себя чувствуете? Довольно ли вы крепки, чтоб говорить и... слушать?

Аннушка. Барыня без вас всё плакала, Владимир Павлович!

Владимир. Боже! боже! ты всемогущ! зачем непременно я должен убить мать мою?

Марья Дми<итревна>. ...Говори скорее, не терзай меня понемногу: придет ли твой отец. (Молчание.) Где он!.. как предстать пред бога... Владимир! без него я не умру спокойно!

Владимир (тихо). Нет.

Марья Дми<тревна> (не слыхав). Что сказал ты?.. Дай мне руку, Владимир!

Владимир. (Слезы начинают падать из глаз его. Он бросается на колена возле постели и покрывает поцелуями ее руку.) Я возле вас! зачем вам другого? Разве вам не довольно меня? Кто-нибудь любит вас сильнее, чем я?

Марья Дми<итревна>. Встань... ты плачешь?..

Владимир (встав отходит в сторону). Ужасная пытка! Если я всё это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоит имени человека!.. Если я вынесу... то уверюсь, что сын всегда похож на отца, что его кровь течет в моих жилах и что я, как он, хотел ее погибели. Так! я должен был силою притащить его сюда, угрозами, страхом исторгнуть у него прощенье... (С бешеной радостью) Послушайте, послушайте, что я вам скажу! Мой отец весел, здоров и не хотел вас видеть! (Вдруг, как бы испугавшись, останавливается.)

Марья Дми<итревна> (вздрагивает. После молчания) Молись... молись за нас... не хотел... о!

Аннушка. Ей дурно, дурно!..

Марья Дми<тревна>. Нет! нет! Я соберу последние силы... Владимир! ты должен узнать всё и судить твоих родителей! Подойди. Я умираю. Отдаю душу правосудному богу и хочу, чтоб ты, ты мой единственный друг, не обвинял меня по чужим словам... Я сама произнесу свой приговор. (Останавливается.) Я виновна: молодость была моей виной. Я имела пылкую душу, твой отец холодно со мной обращался. Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеждать эту любовь, и одна минута решила мою участь... Не смотри на меня так. О! упрекай лучше самыми жестокими словами: я твоя злодейка! Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня... Долгим раскаяньем я загладила свой проступок. Слушай: он был тайною. Но я не хотела, не могла заглушить совесть – и сама открыла всё твоему отцу. С горькими слезами, с унижением я упала к ногам его... я надеялась, что он великодушно простит мне... Но он выгнал меня из дому; и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмешки света... он жестоко со мною поступил!.. Я умираю... Если он мне не простил еще, то бог его накажет... Владимир! Ты осуждаешь мать свою? Ты не смотришь на меня? (Голос ее под конец становился все слабее и слабее.)

Владимир (в сильном движении). (Про себя) Вижу! Вижу! природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтоб разрушать естественный порядок. Боже! боже! Здесь умирающая мать – и на языке, моем нет ни одного утешительного слова, – ни одного! Неужели мое сердце так сухо, что нет даже ни одной слезы? Горе! горе тому, кто иссушил это сердце. Он мне заплотит: я сделался через него преступником; с этой минуты прочь сожаленье! День и ночь буду я напевать отцу моему страшную песню, до тех пор, пока у него не встанут дыбом волосы и раскаяние начнет грызть его душу! (Обращаясь к матери) Ангел! ангел! не умирай так скоро: еще несколько часов...

Аннушка (с приметным беспокойством посматривая на госпожу). Владимир Павлович! (Он услышал и глядит на нее пристально. Она трогает за руку Марью Дмитриевну и вдруг останавливается.) Прости господи ее душу! (Крестится.) (Владимир вздрагивает, шатается и едва не упадает. Удерживается рукой за спинку стула и так остается недвижим несколько минут.) Как тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (Плачет.)

Владимир (подходит к телу и, взглянув, быстро отворачивается). Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значат... у меня их нет! нет! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу. Пойду, принесу отцу моему весть о ее кончине и заставлю, принужу его плакать, и когда он будет плакать... буду смеяться! (Убегает.)

(Долгое молчание.)

Аннушка. И сын родной ее оставляет! Теперь всё, что я могу захватить, мое! Что же? тут по мне нету греха; лучше, чтобы мне досталось, чем кому другому, а Владимиру Павловичу не нужно! (Подносит зеркало к губам усопшей.) Зеркало гладко! Последнее дыханье улетело! Как бледна! (Уходит из комнаты и призывает остальных слуг для совершения обрядов.)

СЦЕНА IX

3-го февраля. Полудни.

(Комната у Загорскиных. Наташа и Княжна. Анна Николаевна, входя, вводит двух старух.)

Анна Ник<олаевна>. А я вас сегодня совсем не ожидала! Милости просим! Прошу садиться! Как ваше здоровье, Марфа Ивановна? (Садятся.)

1 Старуха. Эх! мать моя! Что у меня за здоровье? всё рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку. (К другой старухе) Как мы съехались, Катерина Дмитриевна! Я только что на двор, и вы за мной, как будто сговорились навестить Анну Николаевну.

2 Старуха (к хозяйке). Я слышала, что вы были больны?

Анна Ник<олаевна>. Да... благодарю, что навестили... теперь получше. А что нового не слышать ли чего-нибудь?

2 Стар<уха>. У меня, вы знаете, Егорушка в Петербурге; так он пишет, что турок в пух разбили наши; взяли пашу!

1 Стар<уха>. Дай-то бог! А я слышала, что Горинкин женился. Да на ком! Знали вы Болотину? так на ее дочери. Славная партия... ведь сколько женихов за нею гонялось! так нет... кому счастье.

Анна Ник<олавна>. А я слышала: граф Свитский умер. Ведь жена, дети.

1 Стар<уха>. Да! какая жалость... а что рассказывают! слышали вы?

Анна Ник<олавна>. Что такое?

2 Старуха. Что такое? странно! я не слыхала!

1 Старуха. Говорят, что покойник – прости его господи – почти всё свое имение продал и побочным детям отдал деньги. Есть же люди! И говорят также, будто бы в духовной он написал, чтоб его похороны не стоили больше 100 рублей.

2 Старуха. Нечего сказать, как в колыбельке, так и в могилку! Всегда был чудак покойник! царство ему небесное! что ж? исполнили его завещание?

1 Старуха. Как можно? Пожалуй он бы написал, чтоб его в овраг кинули! Нет, матушка, 5000 стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерея было.

Анна Ник<олавна>. Стало быть, очень пышно было!

Наташа. Будто не всё равно.

1 Старуха. Как так? разве можно графа похоронить как нищего?

2 Старуха (после общего молчания). Анна Николавна! вы меня извините! я ведь только на минуточку к вам заехала! Спешу к золовке на крестины. (Встает.) Прощайте!

Анна Ник<олавна>. Если так, то не смею вас удерживать! Прощайте. (Целуются.) До свиданья, матушка. (Провожает ее.)

1 Старуха. Какова? как разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовые ленты на чепце! ну кстати ли? ведь сама насилу ноги таскает! А который ей год, Анна Николавна, как вы думаете?

Анна Ник<олавна>. Да лет 50 есть! Она так говорит.

1 Старуха. Крадет с десятков! Я замуж выходила, а у нее уж дети бегали.

Наташа (тихо Софье). Я думаю: потому что она замуж вышла 30 лет.

К<няжна> Софья. Охота тебе их слушать, Наташа?

Наташа. Помилуй! Это очень весело!

(Слуга входит.)

Слуга. Дмитрий Василич Белинский приехал.

Анна Ник<олавна>. Что это значит? (Слуге) Проси в гостиную. (Слуга уходит.) (Тихо старухе) Пойдемте со мною, матушка; я угадываю, зачем он приехал! мне уж говорили. Он сам не так богат; но дядя при смерти, а у дяди 1500 душ.

1 Старуха. Понимаю. (В сторону) Посмотрим, что за Белинский! (Наташе) О! плутовка.

(Обе уходят.)

Княжна С<офья>. Отчего ты так покраснела?

Наташа. Я?

Кн<яжна> Софья (махнув рукой). Ну ж! ничего не слышит и не видит! Наташа! твои щеки пылают, ты дрожишь, ты вне себя. Что такое значит?

Наташа (схватив княжну за руку). Так! это ничего! Кто сказал, что я дрожу? Ах! знаешь ли! Я отгадываю, зачем он приехал. Теперь всё решится! не правда ли?

Кн<яжна> Софья. Что решится?

Наташа. Какие глупые вопросы, кузина! Вчера была у нас княгиня, и...

Кн<яжна> Софья. Я тебя понимаю! Ты влюблена в Белинского. Ну что ж. (Наташа отворачивается.) Это очень натурально.

Наташа (с живостью). Послушай! Как он мил! Как он любезен!

Кн<яжна> Софья. Бедный Арбенин!

Наташа. Чем же бедный?

Кн<яжна> Софья. Он тебя так любит! Белинский свататься приехал: ты наверное ему не откажешь; так ли? А я знаю, что Арбенин тебя очень, очень любит. (Насмешливо улыбается.)

Наташа. Разлюбит поневоле. Впрочем, он очень умел притворяться прежде с другими, почему же не притворялся он со мной? кто может поручиться? Правда, он мне сначала немного нравился. В нем что-то необыкновенное... а зато какой несносный характер, какой злой ум и какое печально<е> всегда воображение. Боже мой! да такой человек в одну неделю тоску нагонит. Есть многие, которые не меньше его чувствуют, а веселы.

Кн<яжна> Софья. Ты хотела бы всё смеяться! (Смотрит на нее пристально.) Однажды в сумерки приехал к нам Арбенин. Сел за фортепьяно и с полчаса фантазировал. Я заслушалась. Вдруг он вскочил и подошел ко мне. Слезы были у него на глазах. «Что с вами?», спросила я. «Припадок!», отвечал он с горькой улыбкой; «музыка приводит мне на мысли Италию! Во всей ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему! Всё, что я люблю, убегает меня. Прошу сожаленья? нет! Я похож на чумного! Всё, что меня любит, то заражается этой болезнью несчастья, которую я принужден называть жизнью!» Тут Арбенин посмотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа... я догадалась... но ты не слышишь?

Наташа. Оставь меня. Какая мне нужда до твоего Арбенина; делай с ним, что хочешь; клянусь тебе, не стану ревновать! Слышишь... вот... кажется, кто-то сюда идет... кажется, маменька!

Кн<яжна> Софья (в сторону). Небо прекрасно исполняет мои желанья! Судьба мстит за меня. Хорошо! он почувствует всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я не даром старалась охладить к нему Наташу: это меня радует. Однако что мне пользы? Я отомстила. За что? Он не знает, что я его так люблю! но узнает! Я ему докажу, что есть женщины...

(Входит Анна Николавна.)

Анна Ник<олавна>. Наташа! подойди ко мне! Я хочу говорить с тобой о важном деле, которое решит судьбу твоей жизни. Выйти замуж не порог перешагнуть. Всё будущее твое зависит от одной минуты. Твое сердце должно бросить жребий, но рассудок также не должен молчать. Подумай: Белинский предлагает тебе свою руку. Согласна ты или нет? нравится ли он тебе?

Наташа (в смущении). Я... не знаю...

Анна Ник<олавна>. Как не знаю! помилуй! Он ждет в той комнате. Кому же знать? Решись поскорее: по крайней мере, дать ли ему надежду. Что ты молчишь? Он молодой человек превоспитанный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. Белинский ожидает богатое наследство, подумай. 1500 душ! рассуди! ты уж в летах, скоро стукнет 19. Теперь не пойдешь замуж, так, может быть, никогда не удастся. Сиди в девках! плохо теперь: женихов в Москве нет! Молодые, богатые

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru не хотят жениться, мотают себе в волю, а старые? что в них? глупы или бедны! Решись, Наташа. Ведь он там ждет. Ну скажи по совести: ведь он тебе нравится?

Наташа. Нравится...

Анна Ник<олавна>. Так ты согласна... я пойду...

Наташа (останавливает мать). Маман! подождите... так скоро!.. ей богу! я всё это вижу как во сне... как можно в одну минуту. (Слезы показываются на глазах; она закрывает их руками.) Я не могу! разве непременно сейчас?

Анна Ник<олавна> (ласкает ее). Успокойся, друг мой. О чем ты плачешь? Разве не сама сказала, что он тебе нравится. Посмотри, как сердце бьется. Это нездорово! Ты слишком встревожилась; я опрометчиво поступила; однако сама посуди: ведь он ждет! Не надо упускать жениха!.. Ведь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна? И я тотчас ему скажу! Нет? так нет! беда не велика...

Наташа (утирая слезы). Он мне нравится! только... дайте ему надежду, пускай он ездит в дом, пускай будет как жених... только! я сама не знаю... вы так скоро мне сказали... я не знаю... мне стыдно плакать о глупостях. Маман! вы сами сумеете как ему сказать... я наперед на всё согласна.

Анна Ник<олавна>. Ну, и давно бы так... об чем же плакать, мой ангел? (Крестит ее.) Христос с тобой! в добрый час! (Уходит).

Наташа. Ах!

Кн<яжна> Софья. Ты побледнела, кузина! поздравляю тебя! невеста!

Наташа. Как скоро всё это сделалось! (Уходит.)

Кн<яжна> Софья. Правда. Когда мы чего-нибудь желаем, и желание наше исполнится, то нам всегда кажется, что оно исполнилось слишком скоро. Мы лучше любим видеть радость в будущем, нежели в минувшем. Она счастлива... а я? Зачем раскаиваться? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняет их дурные желанья: стало быть, они справедливы; стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!

СЦЕНА X
Февраля 4-го. Вечер.

(Зала в доме Павла Григорича; слуги зажигают лампы.)

1<-ый>. Он чай был не в своем уме: от вчерашнего еще не опомнился.

2<-ой>. Как сказал ему барин?

3<-ий>. Проклинаю тебя, сказал он ему.

2<-ой>. Владимир Павлович не заслужил этого.

1<-ый>. А где старый барин?

3<-ий>. Уехал в гости.

2<-ой>. Был ли он встревожен, когда ты ему подавал одеваться?

3<-ий>. Ни мало. Ни разу меня не ударил. Проклясть сына, ехать в гости, эти две вещи для него так близки между собою, как выпить стакан вина и стакан воды.

1<-ый>. А крепко поговорил молодой барин своему батюшке; тот сначала и не опомнился.

2<-ой>. Оно всё так; а только жалко, ей богу жалко. Отцовское проклятие не шутка. Лучше жернов положить себе на сердце.

3<-ий>. Ивану не велено от него отходить; вот отец! ведь проклинал, а всё боится, чтоб сын на себя рук не наложил.

2<-ой>. Кровь говорит.

3<-ий>. А по-моему так лучше убить, чем проклясть.

СЦЕНА XI

Февраля 4<-го>. Вечер.

(Комната Владимира. Луна светит в окно. Владимир возле стола, опершись на него рукою. Иван у двери.)

Иван. Здоровы ли вы, сударь?

Владимир. На что тебе?

Иван. Вы бледны.

Владимир. Я бледен? когда-нибудь буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился: он скоро вас простит.

Владимир. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить.

Владимир. Ты лжешь! здесь нет никого, кто бы занимался мною. Оставь меня: я здоров.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня уверить в том. Ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное.

Владимир (вынимает кошелек. Про себя). Я слышал, что деньги делают из людей – всё! (Громко) Возьми – и ступай отсюда: здесь тридцать червонцев.

Иван. За тридцать серебряников продал Иуда нашего спасителя; а это еще золото. Нет, барин, я не такой человек; хотя я раб, а не решусь от вас взять денег за такую услугу.

Владимир (бросает кошелек в окно, которое разбивается. Стекла звенят, и кошелек падает на улицу). Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это, сударь, с вами делается! Утешьтесь – не всё горе...

Владимир. Однако ж...

Иван. Бог пошлет вам счастье, хотя б за то только, что меня благодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слышал.

Владимир. Точно?

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас богу молиться.

Владимир (рассеянно). Так у тебя есть жена и дети?

Иван. Да еще какие. Будто с неба... добрая жена... а малютки! сердце радуется, глядя на них.

Владимир. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иван. И телом, и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Владимир (берет его за руку.) У тебя есть дети... не проклинай их никогда! (Отходит в сторону к окну; Иван глядит на него с сожалением.) А он, он, мой отец, меня проклял, и в такой миг, когда я бы мог умереть от слов его! Но я сделал должное: она меня оправдает перед лицом всевышнего! Теперь испытаю последнее на земле: женскую любовь! Боже, как мало ты мне оставил! Последняя нить, привязывающая меня к жизни, оборвется, и я буду с тобой; ты сотворил мое сердце для себя, проклятие человека не имеет влияния на гнев твой. Ты милосерд –

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru иначе я бы не мог родиться! (Смотрит в окно.) Как эта луна, эти звезды стараются меня уверить, что жизнь ничего не значит! Где мои исполинские замыслы? К чему служила эта жажда к великому? всё прошло! я это вижу. Так точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображению, но солнце закатилось, дунул ветер – и облако растянулось, померкло, – и, наконец, упадет росой на землю!

СЦЕНА XII
Февраля... Вечер.

(Комната у Загорскиных. Дверь открыта в другую, где много гостей. Анна Николаевна и княжна Софья входят.)

Княжна Софья. Тетушка! мы с Наташей сейчас приехали из рядов и купили всё, что нужно: не знаю, понравится ли вам; по мне хорошо! только блонды дорого.

Анна Николаевна. Теперь некогда, Сонюшка: после посмотрю! (Входит гость.) Ах! здравствуйте, Сергей Сергеич! как ваше здоровье! я вас совсем не ожидала: вы такие стали спесивые и знать нас не хотите...

Гость 1. Помилуйте! Я узнал, что Наталья Федоровна ваша помолвлена, и приехал поздравить и пожелать ей всякого счастья!

Анна Николаевна. Покорно вас благодарю! дай-то бог! человек, кажется, хороший!

Гость 1. И, я слышал, с прекрасным состоянием.

Анна Николаевна. Как же-с! Да вы, я думаю, знаете г-на Белинского?

Гость 1. Видал-с. Прелестнейший молодой человек!

Анна Николаевна. Милости просим в гостиную, Сергей Сергеич!

(Уходят оба в гостиную.)

Княжна Софья. Всё идет по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Разве у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радует и огорчает? Как согласить внутреннее самодовольствие с исполнением желаний? Нет, главная моя цель еще далеко. Я желала бы знать, как всё это подействует на Владимира. Боже! как мне душно в этой толпе людей, которые с таким жаром рассуждают о пустяках и не замечают, что каждая минута отнимает у меня по надежде и приносит мне какое-нибудь новое мученье! Где несчастливцы? на всех лицах я встречаю только улыбки! одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... если б он их увидал, то стал бы меня любить. Он бы не устоял! невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушно!..

Наташа (вбегает; весело). Ха! ха! ха! ха! ха! ma cousine [кузина (франц.)], послушай: если б ты была там, то насмеялась бы досыта. Ха! ха! ха! Боже мой! ах! я удерживалась до тех пор, что чуть-чуть не захохотала ему в глаза.

Княжна Софья. Кому?

Наташа. Насилу я вырвалась. Сергей Сергеич подошел меня поздравлять, смешался, заикнулся, забормотал... я ничего не поняла, он сам, я думаю, не знал, что говорил, умора! Так мы остались друг против друга... ха! ха! ха!

Княжна Софья. Как ты весела! Где Белинский?

Белинский (входит). Слава богу! я опять с вами! Меня осадил весь очаковский век. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они всё толкуют о прошедшем, а я в настоящем так счастлив!

Княжна Софья. Это видно по вашему лицу.

Наташа. Mon cher ami! [Дорогой друг! (франц.)] оставим ее: она не в духе. Сядем, поговорим.

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
(Садятся.)

Белинский (целует у нее руку). Теперь я имею право вызывать завистников.

К<няжна> Софья (про себя). Этот человек думает, говорит о счастье, отняв последнее у своего друга... отчего же я, хотя менее виновна, должна чувствовать раскаянье? О как бы я заменила Владимиру эту потерю, если б... если б только...

(Гость, молодой человек, выходит из гостиной, кланяется Софье и приближается к ней.)

Гость. Здорова ли княгиня, ваша матушка?

К<няжна> Софья. Нет. Она очень больна.

Гость. Вы, верно, знаете Владимира Арбенина.

К<няжна> Софья. Он к нам ездит.

Гость. Вы не заметили: сумасшедший он?

К<няжна> Софья. Я всегда замечала, что он очень умен. Не могу догадаться, к чему такие вопросы?

Гость. Нет, я в самом деле не шучу. Несколько дней тому назад я был у его отца; вдруг дверь с шумом отворяется, и вбегает Владимир. Я испугался. Лицо его было бледно, глаза мутны, волосы в беспорядке; я не знаю, на кого он был похож. Отец его остолбенел, но ни слова не мог выговорить. «Убийца!», воскликнул Владимир, «ты мне не верил, поди же, поцелуй ее мертвую руку!» – и с вынужденным хохотом упал без чувств на землю. Слуги вбежали, его подняли. Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... я поскорее взял шляпу и ушел; потом я узнал, что Павел Григорич его ужасно бранил и даже проклинал, говорят, но я не верю...

К<няжна> Софья (в сильном волнении). Проклял, говорите вы... он упал... но ему ничего не сделалось? Вы не знаете, что значили слова его? Нет! это не сумасшествие... что-нибудь ужасное с ним случилось...

Гость (с улыбкой). Я не ожидал, чтобы вы приняли такое большое участие...

К<няжна> Софья. В самом деле? (С досадой в сторону) Боже! нельзя показать сожаленья!

Гость. Наконец я узнал, что в этот самый день умерла у Владимира мать, которая с отцом была в разводе, но такое бешенство, такие угрозы показывают совершенное сумасшествие!.. Это в самом деле очень жалко: он имел способности, ум, познания...

К<няжна> Софья. По словам, которые вы мне повторили, отец его был виноват в чем-нибудь... он не заметил вас, и если только в этом состоит сумасшествие...

Гость. О нет, совсем нет! я не хотел этого сказать. Но вы сами судите... мне стало жалко его; вот для чего я спросил...

К<няжна> Софья. Вы видите, что я не могу вам дать положительного ответа.

Гость (помолчав). Вы поедете завтра в концерт, княжна? Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слышали еще? Она из Парижа... это очень любопытно! Если угодно, я билет...

К<няжна> Софья. Я не любопытна, я не имею этого порока.

Гость. Извините. Я желал вам услужить...

К<няжна> Софья. Вы очень милостивы!

Гость (раскланиваясь). Прошу вас поверить, что если я что-нибудь неприятное сказал вам, то мое намерение было совсем не таково... (Уходит.)

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
К<няжна> Софья (одна). Чуть-чуть он не сказал, что хотел меня обрадовать этими новостями! Прийти нарочно, простоять четверть часа здесь для того только, чтобы сказать зло про одного человека и опечалить другого! (Молчание.) Что ждет меня? Ужасно темнеет предо мной будущность, как бездна, которая хочет поглотить всё, что во мне радуется жизни! Владимир потерял мать, любовь отца и должен лишиться Наташи... Но первые два несчастья помогут ему перенести последнее с твердостью; несколько печалей не так опасны, как одна глубокая, к которой прикованы все думы, которая отравляет все чувства одинаковым ядом. Да, он мужчина, он крепок духом! а там... там... я могу еще надеяться; я примечала несколько раз, что глаза его пылали, когда он со мной говорил: может быть...

Наташа. Что он тебе рассказывал?

К<няжна> Софья. Про Арбенина.

Белинский. Что такое про Арбенина?

К<няжна> Софья. Не бойтесь!

Белинский. Чего же мне бояться?

К<няжна> Софья. Вы лучше знать должны.

Наташа (тихо). Разве он проведал, что я выхожу замуж?

К<няжна> Софья. За его друга? нет! Арбенин потерял мать, и от этого он в отчаяньи; его приняли за сумасшедшего... не знаю, вынесет ли он второй удар...

Белинский. О, поверьте, что он кажется гораздо чувствительнее, чем в самом деле есть.

К<няжна> Софья. Разумеется: вы это должны знать лучше нас; вы были его другом.

Белинский. Я дружбу принес в жертву любви.

К<няжна> Софья. Это очень хорошо – для вас.

Белинский. Впрочем, не думайте, что я с Арбениным очень дружен был. Приятели в наш век – две струны, которые по воле музыканта издают согласные звуки; но содержат в себе столько же противных.

К<няжна> Софья (Наташе). Прошу не прогневаться, кузина; а я скажу, что ты его любила; для жениха ты не должна иметь тайны; и, верно, господин Белинский со мной согласен? (Наташа при этих словах покраснела.)

Наташа. Да, это правда: Арбенин мне сначала нравился и очень занимал воображение, но этот сон, как все печальные сны, прошел. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мне более об нем.

К<няжна> Софья. Я не совсем что-то верю твоему пробуждению.

Наташа. Кузина, к чему это?

Белинский. Может быть, один сон сменился другим.

К<няжна> Софья. Однако, послушайте, господин жених, не слишком ей верьте; она с давнишних пор носит на кресте стихи, которые дал ей Арбенин. Пожалуйста скажите-ка ей, чтобы она их показала! А! а! попалась, душа моя?

Белинский. Я могу просить, и то, если она позволит. Впрочем, я в ней слишком уверен...

К<няжна> Софья. Излишества всегда опасны!

Наташа. Чтоб доказать моей кузине, что я нимало не дорожу этими глупостями... (Снимает с шеи ожерелье, на котором крест, и отвязывает бумажку.) Возьмите. Эта старинная бумажка была мною совсем позабыта. Прочти, мой друг... Эти стихи довольно порядочно написаны.

Белинский. Это его рука!

К<няжна> Софья (в сторону). Бесстыдный! он так же спокоен, как будто читает театральную афишу! Ни одной искры раскаянья в ледяных глазах! Ужели искусство? Нет! Я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемерия. Ах! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. Прочти, мой друг!

Белинский (читает).

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
На место славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?
* * *

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!
Прекрасно, очень мило!
(Отдает.)

Наташа (разрывает бумагу). Теперь спокойны ли вы, кузина?

К<няжна> Софья. О! я на твой счет никогда не беспокоилась!

Белинский (в сторону). Эта княжна вовсе не по мне! К чему ее упреки? Что ей за дело?

(Дверь отворяется, входит Владимир; кланяется. Все смущены; он хочет подойти, но, взглянув на Белинского и Наташу, останавливается и быстро входит в гостиную.)

Наташа (только что Владимир взшел). Ах! Арбенин!

Белинский (про себя). Вот некстати! чорт его просил? Он взбесится; он, верно, еще не знает, что я женюсь и на ком! Надо убраться, чтоб не сделаться жертвою первого пыла. (Громко) Мне не хочется теперь встретиться с Арбениным. Вы это знаете...

К<няжна> Софья (кинув на него косвенный взгляд). Это правда!..

Белинский. Итак, прощайте! (Уходит в кабинет.)

Наташа. Невольный трепет пробегает по мне, сердце бьется... отчего? Отчего этот человек, которого я уже не люблю, всё еще имеет на меня такое влияние?... но, может быть, любовь к нему не совсем погасла в моем сердце? может быть, одно воображение отвлекло меня от него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Белинскому слово, он будет моим мужем, и Арбенина должно удалить! это будет мне легко! (Задумывается.)

К<няжна> Софья. Слава богу! (Про себя) Я думала, что этот Белинский не мучим совестью... теперь я вижу совсем противное. Он боялся встретить взор обманутого им человека! Так он виновнее меня!.. Я заметила смущение в его чертах! Пускай бежит... ему ли убежать от неизбежного наказания небес? (Удаляется в глубину театра.)

(Владимир, бледный, выходит из гостиной; он и Наташа долго стоят неподвижны.)

Наташа. Что скажете нового?

Владимир. Говорят: вы выходите замуж.

Наташа. Это для меня не ново.

Владимир. Я вам желаю счастья.

Наташа. Покорно вас благодарю.

Владимир. Так это точно, точно правда?

Наташа. Что ж удивительного?

Владимир (помолчав). Вы не будете счастливы.

Наташа. Почему же?

Владимир. Я слышал, что свадьбы, которые бывают в один день с похоронами, несчастливы.

Наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочем всякий день кто-нибудь да умирает в мире; итак...

Владимир. Послушайте; скажите мне по чести: это шутка или нет.

Наташа. Нет.

Владимир. Подумайте хорошенько. Клянусь богом, я теперь не в состоянии принимать такие шутки. В вас есть жалость! Послушайте: я потерял мать, ангела, отвергнут отцом, – я потерял всё кроме одной искры надежды! Одно слово, и она погаснет! вот какая у вас власть... Я пришел сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... Что пользы вам лишить меня из шутки такой минуты?

Наташа. Я не думала шутить. Я очень понимаю, как ваше несчастье велико; я бы достойна была презрения, если б могла с вами шутить теперь. Нет, вы имеете право на уважение и сострадание всякого!

Владимир (смотрит на нее несколько времени). Помните ли, давно, давно тому назад я привез вам стихи, в которых просил защитить против злословия света... и вы обещали мне! С тех пор я вам верю, как богу! с тех пор я вас люблю, больше бога! О! каким голосом было сказано это: обещаю! и я тогда же в душе произнес клятву вечно любить вас... вечно! На языке другого это слово мало значит... но я поклялся любить вас вечно, поклялся самому себе; а клятва благородного человека неизменна, как воля творца... Отвечайте мне, скажите мне одно не слишком холодное слово, солгите... и я буду... доволен. Что стоит одно слово?... оно спасет человека от отчаяния.

Наташа (в сторону). Что мне делать? Мысли мои рассеяны. О, зачем, зачем нельзя изгладить несколько дней из моей жизни, возвратиться к прежнему... Я могла бы отвечать ему!.. он так жалок!.. Я его не люблю, но мне как-то страшно его огорчить!..

Владимир. Женщина!.. ты колеблешься? Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом и движеньями, изъясляющими жестокие муки, и у тебя бы был хлеб, ужели ты не отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба назначен был совсем для другого употребленья? Так я прошу у тебя одного слова любви!..

Наташа (помолчав; значительно). Я выхожу замуж за Белинского!..

(Софья, которая издали смотрела, уходит поспешно.)

Владимир. Он? он? как? Стало быть мои подозренья...

Наташа. Чего вы испугались?

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Владимир. И я его называл другом? Ад и проклятье! Он мне заплотит! За каждую слезу, которую пролил я на предательскую грудь... он мне заплотит своей кровью!.. (Хочет идти.)

Наташа. Остановитесь! остановитесь! (Он неподвижен.) Какое безумство! Так вот ваша привязанность ко мне? Я люблю Белинского, и вы хотите убить его? Опомнитесь! его смерть заставит меня ненавидеть вас!..

Владимир. Тебе его жаль? ты его любишь? не верю! нет, я не верю! Тот, кто обманул друга, недостоин уваженья!.. Презренье и любовь несовместны! Моя рука тебя избавит от этой эхидны..

Наташа. Владимир! останьтесь... я умоляю..

Владимир (посмотрев на нее; со вздохом). Хорошо! Что еще я должен сделать?

Наташа. Нам не надобно больше видеться; я прошу: забудьте меня! Это нас обоих избавит от многих неприятностей. Мало ли есть рассеяний для молодого человека!.. Вам понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будем друзьями, будем проводить вместе целые дни радости... до тех пор я прошу вас забыть девушку, которая не должна слушать ваших жалоб!..

Владимир. Прекрасные советы! (Ходит взад и вперед. С сухим смехом) В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль... кто б мог ожидать?..

Наташа. Рассудок ваш то же говорит, что я; только вы его не хотите слушать!

Владимир. Нет, я не стану мстить Белинскому! Я ошибался! Я помню: он мне часто говорил о рассудке: они годятся друг для друга... и что мне за дело? Пускай себе живут да детей наживают, пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия! Ах! а я за один ее веселый миг заплатил бы годами блаженства... а на что ей? Какая детская глупость!..

Наташа. Мои слова неприятны вам; но правда, говорят, никому не нравится. Я сама вам теперь признаюсь, что вы, ваш характер, ваш ум сделали на меня сначала довольно сильное впечатление; но теперь обстоятельства переменялись, и мы должны расстаться: я люблю другого! Так я подам вам пример: я вас забуду!..

Владимир. Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совесть вернее памяти; не любовь, раскаяние будет тебе напоминать обо мне!.. Разве я поверю, чтоб ты могла забыть того, кто бросил бы вселенную к ногам твоим, если б должен был выбирать: вселенную или тебя!.. Белинский тебя не стоит, он не будет в состоянии ценить твою любовь, твой ум; он пожертвовал другом для... о! не для тебя!.. деньги, деньги – вот его божество!.. и тебя принесет он им в жертву! Тогда ты проклянешь свою легковёрность... и тот час, тот час... в который подала мне пагубные надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтоб лишить меня небесного!..

Наташа. Еще раз говорю вам: перестаньте; вы слишком вольно говорите. (Помолчав) Мы не должны больше видеться. Какая вам охота смущать семейственную тишину? Этот мгновенный пыл пройдет, а после, после мы будем друзьями!..

Владимир. Не слишком ли вы полагаетесь на свою добродетель! Нет! я не способен жить остатками сокровища, принадлежащего другому!.. Что осмелились вы предложить мне? Создатель! теперь я верю, что демоны были прежде ангелами!

Наташа. Господин Арбенин, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! вы несносны!

Владимир. Отчего вы прежде со мною так не говорили?

Наташа. Вы правы: я смешна, глупа... как хотеть, чтоб сумасшедший поступал как рассудительный человек!.. оставляю вас и, признаюсь, раскаиваюсь, в первый и последний раз, в том, что хотела кого-нибудь утешить! Вы пренебрегли все приличия, и я не намерена терпеть долее! (Уходит; но останавливается в глубине театра и смотрит на него.)

Владимир. Бог! бог! во мне отныне к тебе нет ни любви, ни веры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... ты... ты сам нестерпимую пыткой вымучил эти хулы. Зачем

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть! Ты виновен! Пускай твой гром упадет на мою непокорную голову: я не думаю, чтоб последний вопль погибающего червя мог тебя порадовать!

(В это время взошел Белинский, Наташа говорит ему что-то на ухо, с видом просьбы, и уходит; он смотрит издали; Владимир ломает себе руки.)

Эти нежные губы, этот очаровательный голос, улыбка, глаза – всё, всё это для меня стало яд!.. Как можно подавать надежды только для того, чтоб иметь удовольствие лишней раз обмануть их! (Обтирает глаза и лоб.) Женщина! стоишь ли ты этих кровавых слез?

(Белинский подходит.)

Белинский. Владимир! (В сторону) Мне должно его умаслить, уговорить; а то он чорт знает чего наделать рад? Наташа правду говорит: он только в первые минуты бешенства опасен! (Громко) Владимир!

Владимир (не оборачиваясь). Что?

Белинский. Ты на меня сердит?

Владимир. Нет.

Белинский. О! я вижу, что ты сердит; но разве не она сама выбирала?

Владимир (всё не оборачиваясь). Разумеется.

Белинский. Время тебя вылечит.

Владимир. Не знаю. (Голос его дрожит.)

Белинский. Арбенин! я вижу по всему: ты ужасно на меня сердит. Поверь, я тебя знаю очень хорошо; я проник все движенья твоего сердца и даже иногда скорее объясняю твои поступки, чем свои собственные.

Владимир. Ты знаешь меня? ты говоришь это? (Со смехом) Если так, то Дмитрий Василич Белинский первейший глупец или первейший злодей в свете!

Белинский. Скорей первое, чем последнее!

Владимир. Поздравляю.

Белинский. Ну посуди сам: разве я не имел одинакого права с тобой на ее руку? Ты, братец, эгоист! Верь мне: твоя печаль одно оскорбленное самолюбие!..

Владимир. Мне верить? тебе?

Белинский. Разве я употребил во зло твою доверенность? разве я открыл какую-нибудь из твоих тайн? Загорскина прежде любила тебя, – положим; а теперь моя очередь. Зачем ты тогда на ней не женился!..

Владимир. Я советую оставить меня: не надейся на мое хладнокровие!.. Я хотел, готов был тебе отомстить, упиться твоей кровью, кровью... слышишь ли? – и я тебе прощаю, и ни в чем не виню, только оставь меня. Я не могу отвечать на твои искренние ласки!.. (Смеется дико.) Теперь я свободен!.. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожит мною на земле... Слышишь? это ты сделал! Не пугайся, не раскаивайся, что за важность? я лишней! Ты искусный, осторожный, умный человек! заметил, что дружба меня изнежила, что надежда избаловала – и одним ударом отнял всё! Белинский! кажется, у меня теперь ничего уж нет завидного!

Белинский. Ты не прощаешь мне: эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владимир. О! ты слишком хорошо обо мне думал: с некоторых пор я тебе ничем не обязан... мои долги тебе заплочены, денежные и другие...

Белинский. Итак, ты у меня совершенно отнял свое сердце? Ужели мы снова не можем сойтись; если я докажу...

Владимир. На что?

Белинский. Я заклинаю тебя.

Владимир (в сторону). Какая низость! И она может, и я мог его любить!..

Белинский. Именем ее прошу тебя.

Владимир. Полно, полно! Разве можно что-нибудь еще у меня отнять?

Белинский (сквозь зубы). Непреклонный! (Ему) Послушай: прости мне; теперь переменить нельзя... но вперед, даю тебе честное слово...

Владимир. Довольно и одного раза!

Белинский. Одумайся! Со временем...

Владимир (в сторону). Со временем, со временем! Всемогущий! как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!

Белинский. И ты даже не хочешь выслушать опытного друга, который тебе желает добра!

Владимир (вне себя). Боже!

Белинский. Так! я не должен тебя оставлять; это моя обязанность, и ты сам будешь после благодарен... преступление было бы не удержать безумца на краю пропасти. (Берет его за руку.) Пойдем к ней! Наташа смягчит твою горечь; ты мне сказывал, что взор ее может усмирять твою душевную бурю... Пойдем к ней! (Хочет его увлечь; Владимир неподвижен с минуту, потом вырывает буйно руку и бежит вон.) Остановись, остановись!.. (Молчание.) Он ушел! Я исполнил желание моей невесты, а судьба исполнила мое! Но почему я не мог дышать свободно в его присутствии? Ведь я прав, и все в этом согласны. Арбенин – ребенок, который, испугавшись розги, бросается в реку? Что за глупая ревность! Он ненавидит меня – и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей ума подавлено бессмысленной страстью! И как не уметь себе приказать?

(Княжна Софья входит.)

Кн<яжна> Софья. Где Арбенин?

Белинский. Ушел... не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь...

Кн<яжна> Софья. И вы его не удержали? И он всё любит Наташу?

Белинский. Больше, чем когда-нибудь.

Кн<яжна> Софья (побледнев упадает в кресла). И так, всё напрасно!..

Белинский. Что с вами? Человек! эй, спирту, воды!

Кн<яжна> Софья. Оставьте меня!

СЦЕНА XIII
12-го мая

(ЭПИЛОГ)

(В доме графа Н. Много гостей; вечер; подают чай.)

1 Гость. Слышали ли вы, граф, новость? Завтра свадьба в вашем приходе. Любопытны ли посмотреть?

Граф. Свадьба? А чья, например?

1 Гость. Загорскина выходит замуж за Белинского.

1 Дама. Вы знаете жениха?

2 Гость. Знаю-с.

1 дама. Он богат?

2 Гость. Имеет состояние, следовательно и долги!

1 дама. Хорош собой?

2 Гость. Молодец. Только слишком занимается своим лицом.

1 дама. Стало быть, занимается хорошим.

2 дама. А невеста?

2 Гость. Недурна. Une figure piquante! [пикантное лицо! (франц.)]

1 дама (к другой). Ma chère! [дорогая! (франц.)] я слышала, она кокетка до невозможности.

2 Гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3 Гость. Да! бедный Арбенин! Вы знаете: он сошел с ума!

Многие. Как сошел с ума? Молодой Арбенин? Мы не слышали!

3 Гость. Как же, от любви к Загорскиной! Мне рассказывали про жалкое состояние Арбенина. Ему всё кажется, что его куда-то тащат. Он прицепляется ко всему, как будто противится неизвестной силе; плачет и смеется в одно время; зарыдает – и вдруг захохочет. Иногда он узнает окружающих, всех кроме отца; и всё его ищет. Иногда начинает укорять его в каком-то убийстве.

2 Гость. Я б желал знать, откуда у помешанных берутся подобные мысли?

1 Гость. Я слышал, что он был величайший негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имеют дурных сыновей.

4 Гость. Да, Павел Григорич человек почтенный во всех отношениях.

3 Гость (полунасмешливо). Он хотел сына своего отдать в сумасшедший дом; но ему отсоветовали; и в самом деле, пожалуй, приписали бы это к скупости!

2 дама. И Загорскину не мучит совесть?

3 Гость. Про то знает ее духовник.

1 Гость. Неужели нельзя вылечить Арбенина? Может быть, тут есть какие-нибудь физические причины. Странно! с ума сойти от любви?

3 Гость. Если это странно вам, то я желал бы, чтоб одна из этих дам взяла на себя труд доказать вам противное!

1 Гость. Но я говорю про Арбенина; он, который часто в обществе казался так весел, так беззаботен, как будто сердце его было – мыльный пузырь!..

3 Гость. Вы, конечно, не ученик Лафатера? Впрочем, если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить их. Его насмешки не дышали веселостию; в них видна была горькая досада против всего человечества! Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая, приводила его в бешенство, особенно, когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпечаталось всё его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
2 Дама. По мне так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся.

3 Гость. А почему вы это знаете? Они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки еще ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг нее вертятся все другие в совершенном беспорядке. Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв, всего физического состава, которое, верно, нелегко для человека. Разве бледные щеки, впалые, мутные глаза – признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите, краски сольются перед глазами вашими: так точно люди, которые слишком близко взглянули на жизнь, ничего более не могут в ней разобрать, а если они еще сохраняют в себе что-нибудь от сей жизни, то это одна смутная память о прошедшем. Чувство настоящего и надежда для них не существуют. Такое состояние люди называют сумасшествием – и смеются над его жертвами!

(Между тем многие разошлись.)

2 Гость (другому). А я зеваю!

4 Гость (тихо). К чему это ораторство? Познания свои что ли он хочет показать?

5 Гость. (Он молодой человек лет 19.) (Подходит к 3-му гостю.) Сделайте милость, нельзя ли вам достать мне что-нибудь из сочинений Арбенина?

3 Гость. С удовольствием, если можно будет.

(Входит слуга и подает билет графу, который кончил играть.)

Слуга. От Павла Григорича Арбенина! (Уходит.)

(Все в изумлении.)

Многие (меж собой). Что это значит?..

3 Гость. С черною каймой... приглашение на похороны.

Граф. А вот увидим! (Надевает очки и читает вслух.) «Павел Григорьевич Арбенин с душевным прискорбием извещает о кончине сына своего Владимира Павловича Арбенина, последовавшей сего мая 11-го дня пополудни, покорнейше просит пожаловать на вынос тела в собственный дом, мая 13-го дня, пополудни в 10 часу, отпевание в приходской церкви... etc.»

3 Гость (про себя). Каково! Похороны в один день с свадьбой Загорскиной.

Некоторые. Боже мой! какая, жалость!

2 Дама. Бедный отец!

5 Гость. Бедный молодой человек! он мог бы еще вылечиться!

3 дама (к 3-му гостю). Не правда ли, какая жалость?

3 Гость (в сторону). Теперь жалеют! К погибшим люди справедливы! Но что в этом сожаленье? Одна слеза дружбы стоит всех восклицаний толпы! Но такая слеза едва ли упадет на могилу Арбенина: он оставил угрызения совести в сердцах, где поселить желал любовь!

Одна старуха. Вот чай пышные будут похороны: ведь единственный сын!

3 Гость (одному из гостей). Мне кажется, что старухи любят говорить о погребениях для того только, чтобы приучиться к мысли: «скоро и нас потащат в тесную могилу!»

1 Гость. Забудем мертвых: бог с ними!

Странный человек. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
3 Гость. Если все так станут думать, то горе великим людям!

1 Гость. Я надеюсь, ваш Арбенин не великий человек... Он был Странный человек! вот и всё!

3 Гость (пожимает плечами и отходит прочь).

КОНЕЦ

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!